

БЕЛОРУССКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ежеквартальный научно-практический журнал

Издается с 1997 г.

№ 3 (64) • 2013

Главный редактор

В.Н. ШИМОВ

Редакционная коллегия

Александрович Я.М., Беляцкий Н.П., Богданович А.В., Бондарь А.В., Буховец О.Г.,
Быков А.А. (зам. главного редактора), Ванкевич Е.В., Вардеванян Г.Л.,
Воробьев В.А., Галов А.Ф., Гусаков В.Г., Каллаур П.В., Киреева Е.Ф., Ковалев М.М.,
Коленчиц Ю.В. (отв. секретарь), Крюков Л.М. (зам. главного редактора),
Лузгин Н.В., Мясникович М.В., Никитенко П.Г., Полещук И.И., Тарасов В.И.,
Тур А.Н., Фатеев В.С., Читая Г.О., Шимова О.С., Шмарловская Г.А.

Международный совет журнала

Байер К. (Германия), Геец В.М. (Украина), Глазьев С.Ю. (Россия),
Гринберг Р.С. (Россия), Дюбуа П.-Л. (Франция), Карните Р. (Латвия),
Колодко Г. (Польша), Коседовский В. (Польша), Прунскене К. (Литва),
Тамаш П. (Венгрия), Шмелев Н.П. (Россия)

Учредители

Белорусский государственный экономический университет
Национальный банк Республики Беларусь
Министерство экономики Республики Беларусь
Научно-исследовательский экономический
институт Министерства экономики Республики Беларусь

МИНСК

Проблемы трансформации

Глинкина С.П., Куликова Н.В. Трансформация и ее социально-экономические эффекты в Центральной и Восточной Европе 4

Устойчивое развитие

Кротова Н.Г., Радюк Е.В., Таболов А.Г. Система энергетических индикаторов устойчивого развития Республики Беларусь 18

Бабкевич У.П. Роль лесных экосистем в решении глобальных проблем человечества 29

Рынок труда

Ванкевич Е.В. Структурные изменения экономики и рынок труда: эффективность элементов подстройки 41

Таможенное регулирование

Турбан Г.В. Таможенный союз России, Казахстана, Беларуси в контексте развития региональных торговых соглашений 57

Попроцкая О.С. Элементы таможенной инфраструктуры – фактор обеспечения экономической безопасности государства 74

Проблемы логистики

Полещук И.И. Логистический потенциал Беларуси: его оценка и использование 87

Рынок высоких технологий

Коротченкова Ю.О., Серебренников Б.С. Анализ состояния и динамики мирового рынка нанотехнологий 98

Развитие предпринимательства

Филиппова Л.Е. Проблемы совершенствования нормативной правовой базы Республики Беларусь в сфере государственно-частного партнерства и пути их решения 111

Международная торговля

Джабиев Р. Преимущества и риски для Азербайджана при вступлении в ВТО 122

Экономика предприятия

Мыцких Н.П. О совершенствовании методики оценки платежеспособности с учетом новой концепции собственных оборотных средств 130

Кудрицкая Н.В. К вопросу об определении себестоимости перевозки грузов автомобильным транспортом в условиях неопределенности 140

Научная жизнь

Короленок Г.А., Шутилин В.Ю., Нечай О.Д. Модернизация экономики – путь к устойчивому развитию страны. По материалам VI Международной конференции «Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость» (г. Минск, 15–16 мая 2013 г.) 149

ТРАНСФОРМАЦИЯ И ЕЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

С.П. Глинка, Н.В. Куликова*

Конец XX в. ознаменовался крупномасштабными общественными трансформациями, протекавшими одновременно на глобальном, региональном и национальном уровнях. Особое место среди них заняли постсоциалистические трансформации, анализу которых посвящена многочисленная отечественная и зарубежная научная литература. Однако осмысление этого явления даже по прошествии двадцати с лишним лет с начала «бархатных революций» в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) не выглядит завершенным. В связи с этим цель статьи – продолжение углубленного анализа результатов трансформационных преобразований, дальнейшая разработка методологии исследования теории переходных экономических процессов, включая такие важные вопросы, как характеристика исходной точки трансформации, движущие (национальные и международные) силы проводимых реформ, критерии завершенности переходного периода и многие другие.

Ключевые слова: трансформационный процесс, модель трансформации, особенности перехода от социализма к рыночной экономике стран ЦВЕ, критерии оценки успешности перехода.

JEL-классификация: P20, P27, P31, O52.

О моделях трансформации

В современном обществоведении выкристаллизовались четыре основных теоретических подхода к трансформации:

- *телеологический подход*, рассматривающий создание новой экономической системы как быстрый переход от одного состояния общества и экономики к другому, соответствующему некоему идеалу или проекту; в ходе трансформационного перехода он был отвергнут вместе с опытом строительства реального социализма – эксперимента с использованием широкомасштабной социальной инженерии;

- *абсолютизированный эволюционизм*, реализованный западными государствами в течение нескольких столетий формирования рыночной экономики, использование которого в конце XX в. оказалось невозможным в силу значительного сжатия времени;

- *генетический подход*, представленный рядом научных концепций, среди которых: идея постепенной, поэтапной соци-

альной инженерии К. Поппера, предлагавшего «идти от проблем» методом «проб и ошибок», постоянно осуществлять улучшения и отказаться от стремления быстро достичь умозрительного либо, как предполагалось, существующего идеала (1992); подход Н. Кондратьева к формированию целей и разработке плановых заданий, базирующийся на необходимости учета объективных тенденций развития (1989); концепция «перспективных траекторий развития» В.М. Полтеровича (2006) и др.;

- *«переход через заимствование» существующих в наиболее развитых странах Запада институтов* в надежде на осуществление успешной догоняющей модернизации.

В практике постсоциалистических трансформаций реально востребованными оказались два подхода – «генетический», реализуемый в ходе широкомасштабных реформ в современном Китае, а также «переход через заимствование институтов рынка и демократии», реализованный практически в чистом виде странами Центральной и Восточной

* Глинка Светлана Павловна (sveglinkina@yandex.ru), доктор экономических наук, профессор, зам. директора Института экономика РАН (г. Москва);

Куликова Наталия Владимировна (vasilchenko@transecon.ru), кандидат географических наук, зав. Центром восточноевропейских исследований Института экономики РАН (г. Москва).

Европы – новыми членами Европейского союза, а также апробированный с крайне неоднозначными результатами многими государствами, возникшими на территории бывшего СССР. Популярность последнего подхода понятна. Как писал Нобелевский лауреат Д. Норт, «очевидно, что для плохо функционирующих экономик существование где-то в других странах сравнительно продуктивных институтов и возможность получения с низкими издержками информации об экономическом развитии этих стран, опирающемся на данные институты, служит мощным стимулом к изменениям» (1997).

Казалось бы, для стран, избравших заимствование как способ трансформации, конечный пункт реформ всегда определен – создание основ современной рыночной экономики и установление политической демократии. Однако, как показывает исторический опыт, все не так просто: достаточно вспомнить скромные (а порой плачевные) попытки быстрого преодоления отсталости стран «третьего мира» в 1950–1960 годы, когда эта проблема трактовалась в духе кейнсианского понимания источников экономического роста, т. е. технократически. Стратегия догоняющего развития базировалась на простом «арифметическом» расчете: из значений ряда важнейших экономических показателей (капиталоемкости, объема инвестиций, уровня образования и т. д.) для развитых стран путем «вычитания имеющегося потенциала» определялись недостающие контрольные цифры для стран «третьего мира». Предполагалось, что «контрольные цифры» достижимы, прежде всего, благодаря изменению потока финансовых ресурсов» (Ольсевич, 2007). Многим ли развивающимся странам помогла такая стратегия в преодолении отсталости?

Иной подход, базирующийся на неоклассических теориях экономического роста, господствовал в мире в 1980–1990-е годы. Его представители видели центральную задачу трансформационного развития в переводе нерыночного сектора экономики, имевшего место как в развивающихся, так и в постсоциалистических странах, на рыночные рельсы посредством широкомасштабной приватизации, системы мер в области обучения, кредита, налоговых льгот,

технической и иной помощи, а главное, посредством ликвидации ограничений частнопредпринимательской деятельности со стороны бюрократии, государственных и иных монополий. Результаты развития подавляющего большинства латиноамериканских стран, в отношении которых впервые была применена данная стратегия международными организациями, также не дают оснований для чрезмерного оптимизма.

Мало кто хотел слышать в ходе трансформации слова С. Хантингтона о том, что «Запад – странное, хрупкое, ни на что не похожее образование, которому ни в коем случае нельзя придавать статус общечеловеческого... Западный путь развития никогда не был и не будет общим путем для 95% населения Земли ... Запад уникален, а вовсе не универсален» (Huntington, 1996). Если это так, то встает важный теоретический и практический вопрос – возможна ли, в принципе, успешная трансформация на основе широкомасштабного заимствования группой стран институтов, созданных для эффективного функционирования иных государств в иных условиях. Опыт стран Центрально-Восточной Европы, осуществивших трансформационный переход в ходе интеграции в Европейский союз на правах членства, дает достаточные основания для того, чтобы сделать серьезные выводы как относительно условий, необходимых для осуществления достаточно успешной трансформации через заимствование институтов рынка и демократии, так и относительно ее цены.

Модель трансформации в странах ЦВЕ

Известно, что перспектива членства в Европейском союзе стала мотором развернувшихся в странах ЦВЕ трансформационных преобразований. ЕС разработал четкую стратегию втягивания стран ЦВЕ в сферу своего влияния: на самых ранних этапах трансформационных реформ он оказал странам материальную помощь, предоставив финансовые ресурсы через специально созданные фонды (PHARE, ISPA, SAPARD); подключил страны к деятельности Европейского банка реконструкции и развития; постепенно открывал рынок для товаров из

стран ЦВЕ (введение специального преференциального режима, подписание асимметричных соглашений об ассоциации и др.); разработал и принял в 1993 г. на заседании Европейского совета в Копенгагене критерии членства в ЕС для стран, желающих присоединиться к интеграционной группировке. Копенгагенские критерии предусматривали наличие в странах-кандидатах:

- *стабильных институтов*, обеспечивающих демократию, законность, соблюдение прав человека и национальных меньшинств;
- *функционирующей рыночной экономики*, способной выдерживать конкуренцию и справляться с действием рыночных сил в стране и в Союзе;
- *готовности и способности принять на себя все обязательства*, связанные с членством в ЕС; согласия с целями создания Экономического и валютного союза.

В 1995 г. была утверждена программа «Подготовки ассоциированных стран Центральной и Восточной Европы к интеграции во внутренний рынок Союза», которая содержала перечень законодательных актов (790), необходимых для интеграции стран ЦВЕ в единый рынок ЕС, а также рекомендации относительно порядка их принятия. Приложение, более объемное, чем основная часть Стратегии, анализировало пути сближения/гармонизации законодательства стран ЦВЕ с евросоюзным правом в 23 секторах экономики и общественной жизни, начиная от движения капитала до защиты прав потребителей. Приложение включало рекомендации по созданию административных и технических структур, обеспечивающих эффективную правоприменительную практику, а также направления и формы технической поддержки, оказываемой странам-кандидатам со стороны ЕС в целях сближения их законодательства с правовой системой Евросоюза.

ЕС разработал индивидуальные стратегии присоединения стран-кандидатов, в которых обозначил для каждой из них приоритеты, конкретные действия и сроки их осуществления. Так, в программу подготовки к членству относительно более развитой Венгрии было включено 88 серьезных задач, Чехии – 90, Словакии – 98, большинства других стран – более 100 позиций.

Каждая страна-кандидат разработала Национальную программу принятия норм права ЕС с графиком выполнения поставленных задач и определением финансовых и административных ресурсов. В ее составлении принимали участие эксперты из всех охваченных программой областей, а также представители Европейской комиссии.

Процесс переговоров о присоединении стран-кандидатов к ЕС, которые проводились исключительно на двусторонней основе, состоял из двух этапов:

1) анализа соответствия данного государства копенгагенским критериям членства и достигнутого прогресса в сближении национального законодательства с законодательством ЕС;

2) разработки условий вступления стран ЦВЕ в ЕС, в частности возможности предоставления странам переходных периодов (отсрочек) для применения норм ЕС.

Формальное заимствование институтов (в частности, норм права) сопровождалось разработкой механизмов их запуска на национальной почве. Таким образом, перспектива членства в ЕС выполняла роль «внешнего якоря» в осуществлении странами сложных институциональных преобразований. Процесс проходил под жестким контролем со стороны руководящих органов Европейского союза. Политические мотивы оказались доминирующими при предоставлении странам ЦВЕ финансовой и иной помощи, при определении сроков начала и окончания переговоров о вступлении в ЕС, при принятии решений об условиях членства и т. п. Все это блокировало возможность отторжения или мутации заимствованных странами институтов рынка и демократии, по крайней мере, на этапе присоединения к Союзу.

Формирование и реализация предпосылок для догоняющего развития стран ЦВЕ в составе ЕС

Выбор модели трансформации в странах ЦВЕ определила цель использования преимуществ европейской интеграции для ускорения роста и модернизации экономики, а в итоге – для преодоления отставания от стран Западной Европы по уровню развития и качеству жизни.

Трудно оспаривать тот факт, что членство в Евросоюзе создало рамочные условия для догоняющего развития стран ЦВЕ. Эти условия формировались по трем основным направлениям.

Первое направление – институциональная адаптация, которую осуществили страны, выполняя условия присоединения к ЕС. Она привела их ранее слабые демократические, экономические, правовые институты и институты гражданского общества в соответствие с евросоюзными стандартами. А во многих исследованиях приводятся доказательства того, что совершенствование институтов дает мультипликативный эффект: умелое управление, власть закона, политическая стабильность и низкий уровень коррупции приносят долгосрочные дивиденды в плане экономического и социального развития и таким образом косвенно влияют на качество жизни граждан.

Второе направление – региональная политика ЕС, которая предусматривает оказание финансовой помощи из структурных фондов и Фонда сплочения менее развитым регионам и странам интеграционной группировки (а к ним относятся все ее новые члены из Восточной Европы) на развитие инфраструктуры, реализацию проектов по защите окружающей среды, созданию альтернативной энергетики, укреплению человеческого потенциала и инвестированию в производство. Эта помощь должна была повысить конкурентоспособность стран, расширила ресурсную базу экономического роста, содействовала созданию новых рабочих мест и улучшению условий жизни населения.

Третье направление – экономическая интеграция, которая дала импульс экономическому росту и способствовала сокращению разрыва между странами ЦВЕ и ЕС-15¹. Главными движущими силами процесса послужили рост внешней торговли, свободное движение капиталов и трансфер технологий.

Однако нельзя не отметить, что на каждом из этих направлений у стран ЦВЕ либо возникали трудности с использованием преимуществ европейской интеграции, либо реализовывались связанные с ней риски.

¹ 15 стран, входивших в состав ЕС до его расширения на восток.

Так, распространение некоторых норм ЕС на страны ЦВЕ нанесло ущерб их экономике. В частности, хозяйствующие субъекты понесли потери из-за открытия процедуры размещения государственных заказов для фирм из стран Евросоюза, немалыми затратами обернулось внедрение некоторых технических стандартов ЕС, еще дороже обходится соблюдение его норм в области экологии. Часть предприятий пищевой промышленности, особенно по переработке животноводческой продукции, была закрыта ввиду несоответствия европейским санитарно-гигиеническим нормам. Общая сельскохозяйственная политика ЕС сдерживает наращивание выпуска сельхозпродукции с целью предупреждения кризиса перепроизводства и ориентирована на поддержку лишь эффективных производителей, что на практике означает ликвидацию многих аграрных хозяйств в странах ЦВЕ.

Получение финансовой помощи ЕС сопряжено с прохождением сложной административной процедуры. Условием одобрения Европейской комиссией национальных программ использования структурных фондов является доленое участие государства в финансировании конкретных проектов. Выделенные стране средства должны быть освоены не более чем за два календарных года, после чего право на их востребование утрачивается. Такие жесткие условия нередко становились препятствием на пути реализации полезных идей, а значительная часть выделенных средств оставалась неиспользованной. Впрочем это было предсказуемо, учитывая опыт сотрудничества стран ЦВЕ с ЕС по программам PHARE, ISPA и SAPARD на этапе подготовки к вступлению.

Экономическая интеграция несет с собой, наряду с преимуществами, серьезные риски для ее более слабых участников. В случае стран ЦВЕ и первые, и вторые реализовались в полной мере – как в сфере торговли, так и в сфере инвестиций.

Полученная в 1990-е годы возможность поставлять товары на общеевропейский рынок без уплаты таможенных пошлин обеспечила бурный рост экспорта и тем самым действительно способствовала ускорению экономического роста в странах ЦВЕ. Однако ос-

новой вклад в расширение экспортных поставок вносили предприятия с иностранным капиталом, прежде всего филиалы ТНК, тогда как среди собственных предприятий лишь немногие наиболее сильные смогли воспользоваться преимуществами емкого единого европейского рынка. Вместе с тем полное снятие в 2000-е годы странами ЦВЕ барьеров на пути импорта из ЕС стало серьезным испытанием для их экономики. Большинство производителей, работавших на внутренний рынок, было не готово успешно конкурировать с западноевропейскими компаниями. Особенно ощутимой стала утрата позиций на внутренних рынках предприятиями агропромышленного сектора. При этом причины, по которым они не смогли успешно противостоять возросшей конкуренции, имеют не только «рыночную» природу, но заключаются также в значительно меньших дотациях сельхозпроизводителям новых стран – членов ЕС по сравнению со старыми.

Либерализация и приведение в соответствие с европейскими нормами инвестиционного законодательства, минимизация инвестиционных рисков в результате вступления в ЕС способствовали бурному притоку в страны ЦВЕ прямых иностранных инвестиций, прежде всего западноевропейских. Они сыграли ключевую роль в подъеме экономики: вывели из фактического коллапса промышленность, расширили и качественно изменили ранее слабо развитый сектор финансовых услуг, развили системы телекоммуникаций и сети розничной торговли. Однако ограничение национального суверенитета над инвестиционными режимами² и фактическое отсутствие государственного регулирования инвестиционных потоков привели к захвату экономики стран ЦВЕ иностранным капиталом, по сути, в форме скрытой колонизации.

Иностранные инвесторы использовали территорию стран ЦВЕ преимущественно

² Например, сделки по слиянию и поглощению стали требовать одобрения антимонопольных ведомств ЕС, «евроновички» вынуждены были отказаться от противоречащих правилам Евросоюза форм стимулирования притока ПИИ, которые повышали их инвестиционную привлекательность. В частности, пришлось отменить специальные льготы для иностранных и крупных инвесторов, упразднить созданные не по правилам ЕС свободные экономические зоны, а также отказаться от учреждения оффшоров на своей территории.

но для размещения производств с низкой или средней производительностью, чаще всего сборочных, и относительно мало создавали в них высокотехнологические производства (в основном они размещались в Венгрии). Подавляющая часть иностранного капитала была вложена не в совместные предприятия (инвестиции в которые активно поддерживались, например, в Китае), она пошла на приобретение государственных активов стратегическими инвесторами и создание филиалов ТНК, что отнюдь не способствовало развитию кооперационных связей с местными предприятиями и диффузии ввезенных инвесторами технологий, знаний, управленческого опыта и т. п. Экономика распалась на два сектора: «иностраный» – более эффективный и ориентированный на экспорт, и «национальный» – отстающий в производительности и реализующий продукцию преимущественно на внутреннем рынке (особенно очевидно такое расслоение экономики в Венгрии)³. Наконец, модернизация имитационного характера на базе привлечения ПИИ отвлекла внимание от развития собственной сферы исследований и разработок (табл. 1). По данным Евростата, в 2000–2010 гг. в большинстве стран ЦВЕ на НИОКР расходовалось от 0,4 до 0,6% ВВП в среднем в

³ UNCTAD. World Investment Directory. Vol. VIII: Central and Eastern Europe 2003. New York and Geneva: United Nations, 2003. P. 19.

Таблица 1

Некоторые показатели инновационности развития новых стран – членов ЕС в 2010 г.

Страна	Совокупные расходы на НИОКР, % от ВВП	Индекс инновативности
Болгария	0,6	0,239
Венгрия	1,2	0,352
Латвия	0,6	0,230
Литва	0,8	0,255
Польша	0,7	0,296
Румыния	0,5	0,263
Словакия	0,6	0,305
Словения	2,1	0,521
Чехия	1,6	0,436
Эстония	1,6	0,496
ЕС	2,0	0,539

Источник. Investing in Europe's future. Fifth Report on Economic, Social and Territorial Cohesion. November 2010. http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/reports/cohesion5/index_en.cfm

год, и только в Чехии – 1,3, Словении – 1,6% (при почти 2% в ЕС-15, 2,6% в Германии и 3,2% в Японии), В Польше и Словакии этот показатель снижался на протяжении почти всего периода реформ.

Недостаточная поддержка научно-технической сферы привела к слабости инновационного потенциала, проявляющейся, среди прочего, в малом числе изобретений, особенно в сфере высоких технологий⁴, и значительном чистом импорте авторских и лицензионных прав (особенно в Польше) (Куликова, 2009). В условиях усиливающейся инновационной конкуренции это фактически консервирует, а в долгосрочной перспективе может и увеличить технологическое отставание, а значит, и отставание в факторной производительности и экономическом росте от стран, активно развивающих сферу исследований и разработок, распространяющих новые технологии и получающих интеллектуальную ренту⁵.

Экономические результаты трансформации в Центральной и Восточной Европе

До начала мирового финансового кризиса 2008 г. в научной литературе преобладали высокие оценки результатов трансформации, осуществленной странами ЦВЕ. Действительно, уже к середине 1990-х годов они, как группа, остановили трансформационный спад, последовавший за разрушением централизованной экономической системы, к 2000 г. восстановили дореформенный объем регионального валового продукта, а в последующие годы, вплоть до

кризиса, входили в число наиболее динамично развивавшихся регионов мира и стабильно превосходили по темпам экономического роста Западную Европу (табл. 2).

В результате экономическое отставание от западноевропейских стран, которое существенно выросло за время трансформационного спада, впоследствии сократилось. Однако разрыв сужался медленно и остался существенным: самые развитые из новых стран – членов Евросоюза Словения и Чехия уступают ЕС-15 по душевому объему ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности валют, в 1,3–1,4 раза, самые отсталые Румыния и Болгария – в 2,2–2,4 раза, а большинство стран Западных Балкан – в 3–4 раза (рис. 1, 2).

В большинстве новых стран – членов ЕС улучшилась структура промышленности, постепенно сворачивались традиционные трудоемкие и материалоемкие производства с низким уровнем технологий при одновременном существенном расширении мощностей по выпуску более сложной продукции с большей добавленной стоимостью. Производство росло в основном за счет повышения производительности труда. При этом уровень безработицы в большинстве стран (за исключением Словакии, Венгрии и Латвии) опустился до среднего уровня в ЕС-15 или даже ниже. В некоторых странах, в частности в Болгарии и Польше, сокращению числа безработных способствовала значительная трудовая миграция в Западную Европу после вступления в ЕС.

Своими успехами страны ЦВЕ были во многом обязаны преимуществам, полученным в результате интеграции в рынок ЕС. Главные среди них – возможность ускорения экономического роста за счет широкого привлечения иностранного капитала во всех формах и гарантированный внешний спрос на продукцию экспортных секторов экономики, поднявшихся в основном за счет западноевропейских прямых инвестиций.

Справедливости ради следует отметить, что экономическое отставание Центральной и Восточной Европы от Западной сокращалось не только благодаря относительно быстрому экономическому росту в большинстве стран ЦВЕ, но и вследствие нарастания кризисных явлений в развитии ряда

⁴ По данным Евростата, даже в Словении, расходуемой на НИОКР самую значительную часть ВВП, в 2008 г. в Европейское патентное бюро (ЕПО) было подано в 2 раза меньше заявок на патенты в расчете на 1 млн жителей, чем в среднем в ЕС. В Эстонии, Венгрии и Чехии этот показатель был в 7 раз меньше, чем в среднем в ЕС, в остальных странах, кроме Румынии, – в 14–48 раз, а в Румынии – в 118 раз! При этом изобретения в сфере высоких технологий в большинстве стран отсутствуют почти полностью. Исключение составляют только Словения и Эстония, но и в них таких изобретений в 2 раза меньше на миллион жителей, чем в среднем в ЕС.

⁵ Убедительное обоснование тезиса о бесперспективности имитационной модели модернизации с точки зрения преодоления технологического и экономического отставания содержится в Научном сообщении на Секции экономики ООН РАН 21 февраля 2008 г. В.Е. Дементьева «Госкорпорации и промышленная политика России». <http://www.cemi.rssi.ru/rus/persons/dementiev/Report21-2-08.pdf>

Динамика реального ВВП в странах ЦВЕ, Европейском союзе и России

Страна	Объем реального ВВП в 2012 г.		
	% к 1990 г.	% к 2000 г.	% к 2008 г.
ЕС-27	145,9	117,7	99,2
Страны Центральной Европы – члены ЕС с 2004 г.			
Венгрия	124,5	121,5	95,2
Польша	200,1	156,0 ³⁾	112,5
Словакия	171,6	168,3	104,0
Словения	154,4	128,1	91,9
Чехия	146,6	140,3	99,1
Страны Балтии – члены ЕС с 2004 г.			
Латвия	112,0	159,6	87,6 ⁴⁾
Литва	122,4	167,9	94,9
Эстония	152,8	156,7	95,1 ⁴⁾
Страны Юго-Восточной Европы – члены ЕС с 2007 г.			
Болгария	130,4	152,4	97,4
Румыния	134,1	153,6	94,6
10 стран ЦВЕ – членов ЕС	167,4	149,7	102,7
Страны Юго-Восточной Европы – кандидаты в члены ЕС			
Македония	120,0	131,7	104,4
Сербия ¹⁾	...	143,3	95,6
Хорватия ²⁾	108,0	127,9	89,7
Черногория	...	145,8	98,8
Страны Юго-Восточной Европы – потенциальные кандидаты в члены ЕС			
Албания	205,6	175,7	111,2
Босния и Герцеговина	...	145,2	98,4

¹⁾ Без Косова.

²⁾ Хорватия 1 июля 2013 г. официально стала членом ЕС.

³⁾ Для Польши за базовый взят 1989 г. – последний до начала сокращения ВВП.

⁴⁾ Для Латвии и Эстонии за базовый взят 2007 г. – последний до начала сокращения ВВП.

Источник. Данные WIIW (Венский институт международных исследований); Eurostat (23.03.2013 г.) – за 2012 г. для стран – членов и кандидатов в члены ЕС; авторские расчеты.

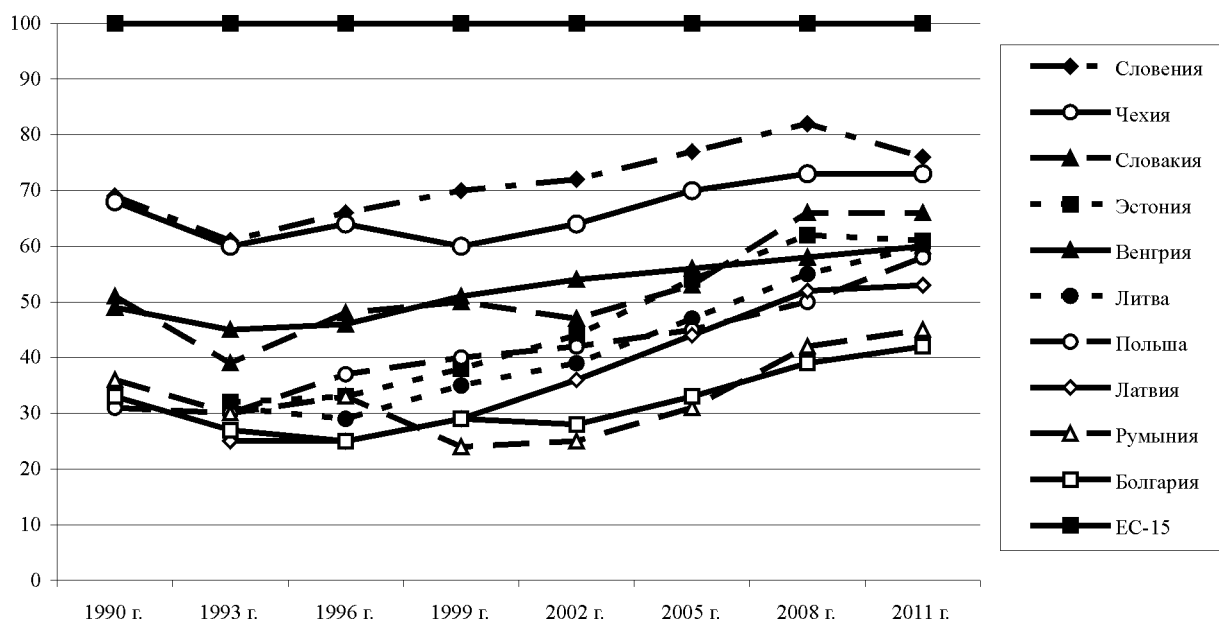

Рис. 1. Сближение новых стран – членов ЕС с ЕС-15 по объему душевого ВВП по ППС (евро/ЭКЮ).

Источник. Eurostat (22.03.2013 г.); Podkaminer, 2002. Р. 34 (данные за 1990–1999 гг.); авторские расчеты.

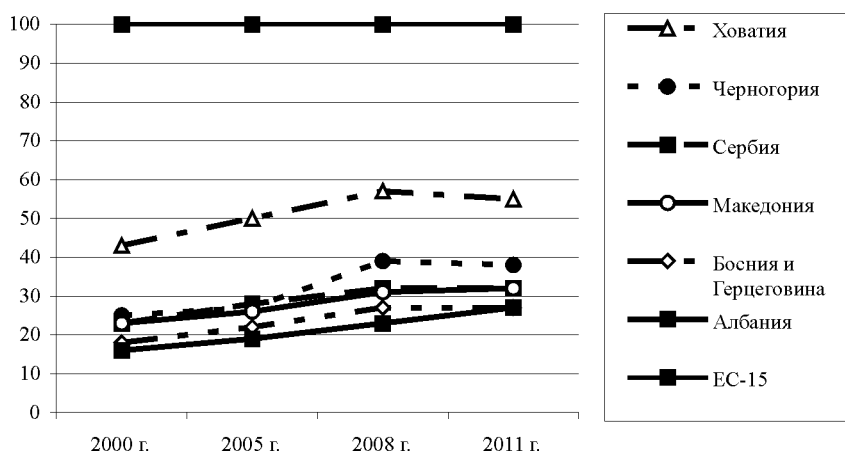

Рис. 2. Сближение стран-кандидатов и потенциальных кандидатов в члены ЕС с ЕС-15 по объему душевого ВВП по ППС (евро).

Источник. Eurostat (22.03.2013 г.); Astrov et al., 2013. P. 138; авторские расчеты.

стран ЕС-15. Увеличение вклада в ВВП отраслей с более высокой добавленной стоимостью и рост факторной производительности в новых странах-членах ЕС стали главным образом результатом структурной перестройки экономики, «навязанной» Евросоюзом, который принудительно ограничивал развитие сельскохозяйственного производства и стимулировал рост сектора платных социальных услуг. На фоне сближения стран ЦВЕ с ЕС-15 по общему уровню экономического развития дифференциация между регионами в них существенно возросла.

Испытание модели трансформации и развития стран ЦВЕ мировым финансовым кризисом и кризисом суверенных долгов в еврозоне

Центральная и Восточная Европа, демонстрировавшая с начала 2000-х годов впечатляющий экономический рост и повышение благосостояния населения, сильно пострадала от мирового финансово-экономического кризиса (рис. 3, 4). Экономический спад в регионе оказался глубже, чем в большинстве других регионов мира, а в некоторых странах ЦВЕ его масштабы были даже больше масштабов трансформационного спада начала 1990-х годов, со всеми вытекающими последствиями для занятости и доходов населения. Тенденция экономической конвергенции со «старой Ев-

ропой» почти во всех странах ЦВЕ прервалась.

Какие причины привели к высокой уязвимости экономики региона к внешним шокам? Первая из них – крупные макроэкономические диспропорции, допущенные в докризисные годы. Уровень национальных сбережений «как частных, так и государственных» был в странах ЦВЕ низким или даже отрицательным. Нарастивание инвестиций при недостатке сбережений обеспечивалось за счет существенного или высокого де-

фицита счета текущих операций платежных балансов, который финансировался в основном за счет частных заимствований за границей, увеличивавших внешний долг (его совокупный объем в странах региона увеличился за 2001–2008 гг. в 5 раз – с 200 млрд до почти 1 трлн долл. США). Вторая причина – сверхвысокая открытость экономики большинства стран и их чрезвычайно глубокая интеграция в европейский рынок, приведшая к высокой торговой и финансовой зависимости от западноевропейских стран.

Ограниченность потенциала торгово-экономических связей с западноевропейскими странами как источника развития экономики стран ЦВЕ стала очевидной уже в начале 2000-х годов, когда замедление экономического роста в «старой Европе» вызвало в ее странах падение общего спроса на импорт и еще более глубокое снижение потребностей в продукции восточноевропейских производителей. Когда в конце 2008 г., вслед за ипотечным кризисом в США, в Западной Европе началась рецессия, она подавила спрос на продукцию промышленного сектора региона и тем самым вызвала лавинообразный спад производства. Почти одновременно резко возросшая в мире потребность в наличности обвалила фондовые рынки стран ЦВЕ и перекрыла кредитные краны. Более чем в 2 раза сократился также приток ПИИ, отдельные

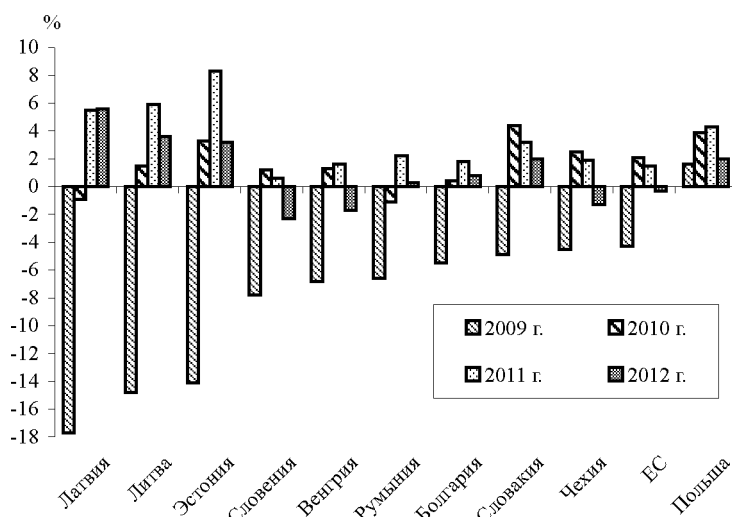

Рис. 3. Изменение реального объема ВВП по отношению к предыдущему году в новых странах – членах ЕС.

Источник. IMF. World Economic Outlook Database. April 2013.

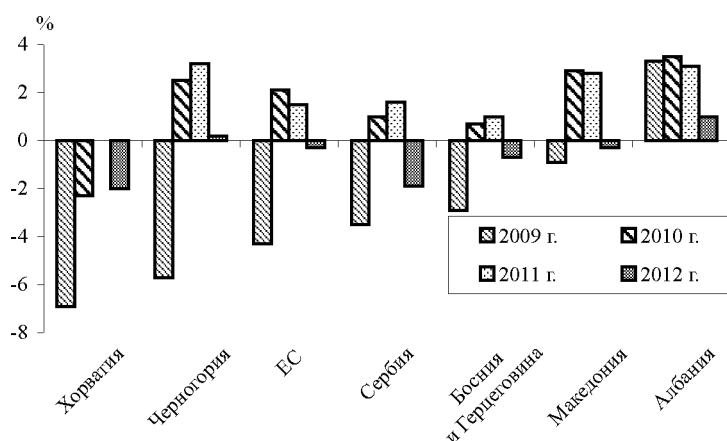

Рис. 4. Изменение реального объема ВВП по отношению к предыдущему году в странах-кандидатах и потенциальных кандидатах в члены ЕС.

Источник. IMF. World Economic Outlook. April 2012, April 2013.

производства были закрыты иностранными инвесторами.

Обмеление притока иностранного капитала в Центральную и Восточную Европу было не только частью мировой тенденции, но и следствием утраты доверия инвесторов к региону из-за сильной несбалансированности его экономики. В ряде стран к началу кризиса сформировался очевидный разрыв между объемом валютных резервов и краткосрочными внешними обязательствами, и ин-

весторы стали опасаться дефолтов, считая, что каждый из них может вызвать эффект домино. Опасения усиливались из-за падения курсов восточноевропейских валют, которое увеличило стоимость внешнего долга и тем самым затруднило выполнение долговых обязательств.

Остановка внешнего финансирования банковского сектора стран ЦВЕ, где доминируют высоко зависимые от внешних источников краткосрочного фондирования филиалы западноевропейских банков, поставила точку в кредитной экспансии, которая долгое время подогривала экономический рост. Другой причиной остановки кредитования стала неуверенность банков в надежности заемщиков в связи с падением их доходов и дисциплины обслуживания кредитов, значительная, а в некоторых странах и подавляющая часть которых была выдана в иностранной валюте (некоторые страны ЦВЕ опередили по доле «плохих» долгов даже самые «проблемные» страны еврозоны – Ирландию и Грецию). Лишение легкого доступа к кредитам (вдобавок к сокращению доходов) привело к глубочайшему инвестиционному спаду в регионе и снижению потребления населения. Ослабление совокупного внутреннего спроса усилило падение выпуска продукции, вызванное снижением спроса на экспорт.

Сила ударов кризиса была неодинаковой в разных странах. От падения внешнего спроса больше других пострадали Словакия, Венгрия, Чехия и Словения – страны с самой высокой в регионе экспортной зависимостью экономики и концентрацией экспортного производства в созданных иностранными инвесторами автомобильной и электротехнической промышленности, наиболее затронутых кризисом. Наибольшие проблемы из-за остановки притока

капитала возникли у стран с плохими макроэкономическими балансами – Венгрии, стран Балтии и Юго-Восточной Европы. Самой защищенной от удара мирового кризиса оказалась относительно хорошо сбалансированная и менее интегрированная в европейский рынок экономика Польши. Она не погружалась в рецессию даже на короткое время.

Антикризисная политика в странах ЦВЕ, в отличие от многих других стран, почти не содержала бюджетных стимулов из-за недостатка денег у правительств. Хронические дефициты государственных бюджетов, которыми страдали все страны ЦВЕ, кроме Болгарии, с началом кризиса резко выросли (в большинстве случаев до 6–9% ВВП) вследствие падения бюджетных доходов из-за больших потерь в производстве ВВП и во внешней торговле при одновременном увеличении расходов (в том числе на выплату пособий возросшему числу безработных), что повлекло за собой рост государственного долга. В этих условиях правительства отдали приоритет не поддержке реальной экономики, а бюджетной консолидации.

В 2010–2011 гг., вслед за оживлением мировой экономики и торговли, в большинстве стран ЦВЕ возобновился экономический рост, однако регион показал один из самых слабых результатов восстановления экономики в мире: его ВВП увеличивался всего на 2–3% в год. При этом динамика по странам оставалась неравномерной и даже разнонаправленной. Например, в Словении небольшое оживление экономики отмечалось только в 2010 г., после чего вновь началась рецессия, а Хорватии не удалось остановить сокращение ВВП даже на время. В большинстве стран, переживших спад, экономика спустя два года после острого периода мирового кризиса осталась далека от своего прежнего объема, в Чехии два года ушли только на то, чтобы приблизить ее к докризисному уровню. Медленное восстановление экономики не позволило справиться с обострившимися проблемами на рынке труда: уровень безработицы, пик которой пришелся в регионе на начало 2010 г., остался во всех странах значительно выше, чем был до кризиса (от 7 до 32%). Особенно остро стоит проблема

занятости молодых людей – среди них в регионе не имеет работы каждый третий.

Скромные темпы восстановления в странах ЦВЕ объясняются тем, что единственным ощутимым стимулом экономического роста служил внешний спрос. Восстановление внутреннего спроса пока не намечается ни в части инвестиций, ни в части потребления населения. По темпам роста объема внутреннего кредита даже лидеры – Румыния и Польша – в 2–3 раза уступали России, а в некоторых странах он продолжал сокращаться. Немаловажной причиной слабого кредитования выступает то, что западноевропейские банки практически не увеличили объема операций в регионе.

С прямыми иностранными инвестициями дела обстояли еще хуже. Объем их притока в регион сокращался три года подряд. Его рост начался только в 2011 г., но был значительно скромнее, чем в мире в целом, и даже чем в испытывающей всем известные проблемы еврозоне.

Кроме вышеназванных факторов, росту внутреннего спроса препятствовали проводимая политика жесткой бюджетной экономии и улучшение платежных балансов, обеспеченное в значительной степени за счет сокращения импортных закупок для целей производства и потребления. И то, и другое – дело, в принципе, нужное с точки зрения будущей устойчивости экономики. Однако пока что усилия по сокращению бюджетных дефицитов ни в одной из стран ЦВЕ не остановили роста государственной задолженности, а улучшение платежных балансов в большинстве стран не снизило уровня внешнего долга, так как в условиях сокращения многих видов государственных доходов, в том числе от продаж активов прямым иностранным инвесторам, правительства были вынуждены прибегать к новым заимствованиям.

Едва наметившееся в 2010–2011 гг. оживление мировой экономики и торговли оказалось неустойчивым, а разразившийся в конце 2011 г. кризис суверенных долгов в еврозоне поставил под угрозу даже вялый экономический рост в странах ЦВЕ. Западные европейские банки, обросшие долгами «проблемных» стран, столкнувшись с большими трудностями в привлечении капитала,

стали сворачивать трансграничные операции даже более решительно, чем в начале мирового кризиса, и новые банковские кредиты в большинстве стран ЦВЕ сократились до минимума. Начавшаяся в еврозоне в 2012 г. повторная экономическая рецессия (совокупный ВВП ее стран сократился на 0,6% по сравнению с 2011 г.), сократившая импортные потребности западноевропейских компаний, обернулась для стран ЦВЕ резким замедлением, а в некоторых случаях и остановкой роста экспорта. В итоге в Словении, Сербии, Хорватии, Венгрии, Чехии, Боснии и Герцеговине, Македонии вновь отмечался экономический спад, экономика Болгарии, Румынии и Черногории пришла в состояние стагнации, а к концу года к этой черте приблизились даже Польша и Словакия, подававшие до этого наилучший пример восстановления. Согласно оценке экспертов Всемирного банка, сохранить в 2012 г. очень скромный, почти нулевой экономический рост региону помогли в основном диверсификация рынков сбыта и увеличение экспорта за пределы ЕС.

Ущерб от мирового и европейского кризисов населению стран ЦВЕ оказался значительно больше, чем можно было ожидать, исходя из существовавших в них объемов государственного финансирования социальных потребностей. Потеря работы частью занятых, сокращение рабочего времени, задержки в выплате заработной платы, снижение в некоторых странах ее среднего уровня (например, в Венгрии), замораживание пенсий, урезание или отмена части социальных пособий, крах на фондовых рынках и рынке недвижимости, падение переводов от трудовых мигрантов – все это привело к уменьшению реальных доходов домохозяйств. В итоге жители региона пострадали от кризиса в целом сильнее, чем жители развитых европейских стран, сократив потребление многих жизненно важных товаров – в том числе продовольственных, и услуг – включая медицинские. Широкое применение пассивных методов адаптации домохозяйств к кризису (особенно сокращение расходов на питание и здравоохранение) было связано со слабым развитием систем социальной защиты, небольшим объемом накоплений населения, а также с ростом цен на продовольствие во

время кризиса. Наиболее драматично развивалась ситуация в странах Юго-Восточной Европы, где отмечаются самые высокие показатели бедности и безработицы в Европе.

Рост безработицы, ухудшение финансового положения семей, снижение доступа к социально значимым услугам и другие негативные социальные последствия кризиса привели к снижению поддержки демократии и рыночной экономики в регионе. Катализатором распространения «антирыночных» настроений мог послужить не только сохраняющийся и после четверти века трансформаций значительно более низкий общий уровень благосостояния населения в странах ЦВЕ по сравнению со странами Западной Европы, могли сказаться также закрепившиеся в общественном сознании за годы социализма ценности, которые формируют высокие запросы людей на государственную социальную поддержку.

В то же время правительства большинства стран региона в условиях жестких бюджетных ограничений ставят перед собой цель консолидации программ социальной помощи и реформирования социальной политики в направлении, которое позволило бы уменьшить «иждивенческие» настроения в обществе и стимулировало трудоустройство неза занятого населения. Однако какие бы бюджетные реформы не проводили правительства, социальную ситуацию в странах определяет, прежде всего, экономический рост. В обозримой перспективе хозяйственная динамика в регионе будет по-прежнему зависеть в решающей степени от положения на западноевропейских рынках, внешних источников финансирования и потоков ПИИ. Каждый из этих факторов сегодня внушает все меньше оптимизма. Если эффективное решение проблемы суверенных долгов в еврозоне не будет найдено и рецессия в ней станет затяжной, то социально-экономическая перспектива для стран ЦВЕ значительно ухудшится.

К вопросу о завершенности трансформации в Центральной и Восточной Европе

Прошло более 20 лет с начала трансформационных преобразований в странах Центрально-Восточной Европы. Можем ли мы сказать, что трансформация состоялась?

И каковы критерии завершенности переходного периода?

В экономической науке, как уже отмечалось выше, существуют разные представления относительно сути и содержания трансформационного перехода. Соответственно, существуют и разные подходы к выделению критериев завершенности переходного периода. При этом неудовлетворительными следует признать не только господствовавший до последнего времени *монофакторный подход*, используемый марксистами и неоклассиками⁶, но и встречающиеся в научной литературе *статистический подход*, утверждающий, что переход завершается по мере достижения страной уровня до-реформенного объема ВВП, либо *формально-институциональный подход*. Представители последнего считают, что переход заканчивается тогда, когда в общих чертах завершается формирование нового институционального фундамента (Нестеренко, 2000), однако формальное наличие институтов не исключает возможность возникновения феномена «стационарно переходной экономики», о котором в свое время убедительно писал Р. Капелюшников (2001). В литературе можно встретить мнение, согласно которому переходность экономической системы доказывается преобладанием (гипертрофированным развитием) неформальных инсти-

тутов, слабостью механизмов принуждения к соблюдению формальных правил (law enforcement). Однако, во-первых, невозможно представить себе какую-либо экономическую систему, существующую исключительно на основе формализованных правил. Даже самые развитые рыночные экономики Запада имеют свою «неформальность». Во-вторых, в ряде современных азиатских культур неформальные механизмы принуждения к соблюдению правил оказываются не менее эффективными, чем формализованные. Или можно сказать иначе: в них неформальные институты реально могут играть позитивную роль.

Мы имеем свою позицию относительно критериев завершенности переходного периода, считая, что ответить на вопрос об окончании транзита можно только в рамках многоуровневого анализа посткоммунистических трансформаций. Очевидно, что процессы трансформации протекают одновременно на нескольких взаимосвязанных уровнях – глобальном, региональном и национальном, что делает картину перехода многомерной. С учетом этого более сложными, на наш взгляд, являются и критерии завершенности трансформационного перехода в постсоциалистических странах. Они не могут быть сведены ни к голой статистике, ни к системе формальных институтов.

Анализ показывает, что факт нахождения постсоциалистической страны в поле влияния того или иного центра силы либо способность сформировать самостоятельный центр геополитического и экономического влияния во многом определяют выбор страной национальной модели трансформации. Применительно к постсоциалистическому миру в таком случае можно предложить следующую классификацию.

Китай – «страна-цивилизация», расширяющая свой ареал за счет Гонконга, Макао и в перспективе Тайваня. Переход для Китая не предполагает достижения конкретной социально-экономической модели: соотношения плана и рынка, открытости и протекционизма, демократии и «принудительного управления» были и остаются для него инструментами достижения целей модернизации и усиления геэкономического влияния. На стратегию реформирования

⁶ Так, согласно марксистским представлениям, частный капитал, однажды возникнув, захватывает «командные высоты» в оптовой торговле, кредите, промышленности, проникает в сельское хозяйство, повсюду разрушает и «переваривает» некапиталистические формы хозяйства и, не ограничиваясь экономикой, устанавливает адекватные своей природе отношения во всех других «подсистемах» общества – в семье, церкви, культуре, идеологии, праве, политике. Аналогичным образом марксизм трактовал и переход от капитализма (или «квазикапитализма») к социализму – через преодоление многоукладности и установление отношений во всех сферах общества на базе единой и однородной государственной («общенародной») собственности. Схожий методологический подход демонстрируют и представители неоклассической парадигмы развития, отбрасывающие как «устаревшие» институционалистские, кейнсианские и полукейнсианские представления о рыночной системе как «смешанной экономике», рассматривая ее как «чистокровный организм», жизнь которого во всех его клетках и органах подчинена единственному принципу – максимизации индивидуальной выгоды. Как видно из сказанного, между марксистским и неоклассическим подходами в различии между «базовой» и «переходной» системами имеется очевидное сходство. И тот и другой подход требуют от «базовой» системы однородности, «чистокровности», а разнородность элементов системы рассматривают как свидетельство ее «переходности».

решающее влияние оказывают внутренние факторы (социальные и демографические), а также складывающаяся в глобальной экономике международная специализация на основе сотрудничества в области факторов производства.

Постсоветское пространство – зона острой конкурентной борьбы основных геоэкономических центров силы: ЕС, США, Китая, а также по-прежнему играющей заметную роль в странах СНГ России. Будучи не способными на современном этапе самостоятельно инициировать импульсы модернизации, эти страны критически зависят от связей с внешним миром на региональном и глобальном уровнях. Преобразования в этом регионе будут в значительной степени определяться трансформацией, проходящей на региональном уровне, т. е. результатами включения каждой конкретной страны в пространство притяжения того или иного геоэкономического центра силы.

Постсоциалистические страны Центральной и Восточной Европы признали своей важнейшей задачей «возвращение в Европу» через присоединение к Европейскому союзу, что потребовало от них гармонизации национального законодательства с нормами европейского права, заимствования европейских институтов рынка и демократии, обеспечивающих саму возможность присутствия стран ЦВЕ на общем рынке ЕС.

Принципиально разное позиционирование в планетарной системе, выстраиваемой геоэкономическими центрами притяжения, приводит к тому, что по форме одинаковые экономические процессы, протекающие в различных группах постсоциалистических стран, наполняются существенно разным содержанием, достаточно посмотреть на роль прямых иностранных инвестиций в развитии постсоциалистических государств. Как видно из сказанного, вопреки широко распространенному в экономической науке мнению, решающим для постсоциалистических государств в ходе трансформации был не выбор одной из стратегий реформирования – «шоковая терапия» либо градуализм, а сознательное либо принудительное попадание в сферу модернизационного и политического влияния того или иного центра силы либо существование

вне его, что, безусловно, не отрицает важности выстраивания «оптимальных траекторий развития» (Полтерович, 2005, 2006) постсоциалистическими странами.

Возвращаясь к вопросу о критериях завершенности постсоциалистического переходного периода, можно выдвинуть предположение о том, что стабилизация постсоциалистического государства на орбите планетарной системы, выстраиваемой геоэкономическим центром притяжения, либо формирование страной такой системы самостоятельно могут рассматриваться в качестве такого критерия. Если взять его за основу, то переходный период в странах ЦВЕ с момента присоединения их к Европейскому союзу можно считать завершенным. Завершение перехода не исключает сохранения значительной специфики, проблем и трудностей в функционировании национальных экономик и институтов политической организации общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (REFERENCES)

- Капелюшников Р.** 2001. Где начало того конца? К вопросу об окончании переходного периода в России. *Вопросы экономики*. № 1.
- Kapeliushnikov R.** 2001. Gde nachalo togo kontsa? K voprosu ob okonchanii perekhodnogo perioda v Rossii. [Where is the beginning of the end? On the end of the transition period in Russia]. *Voprosy ekonomiki*. No 1.
- Кондратьев Н.Д.** *Проблемы экономической динамики*. М., 1989. С. 480.
- Kondrat'ev N.D.** *Problemy ekonomicheskoi dinamiki*. [The problems of economic dynamics]. Moscow. 1989. P. 480.
- Куликова Н.** 2009. Опыты модернизации в странах ЦВЕ. *Свободная мысль*. № 6. С. 58–59.
- Kulikova N.** 2009. Opyty modernizatsii v stranakh TsVE. [Experiments modernization in the CEE countries]. *Svobodnaia mysl'*. No 6. P. 58–59.
- Нестеренко А.** 2000. Переходный период закончился. Что дальше? *Вопросы экономики*. № 6.
- Nesterenko A.** 2000. Perekhodnyi period zakonchilsia. Chto dal'she? [The transition period has ended. What's next?]. *Voprosy ekonomiki*. No 6.
- Норт Д.** 1997. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Moscow. С. 56.
- Nort D.** 1997. *Instituty, institutsional'nye izmeneniia i funktsionirovanie ekonomiki*. [Institutions,

Institutional Change and Economic Performance]. Moscow. P. 56.

Ольсевич Ю.Я. 2007. *Влияние хозяйственных реформ в России и КНР на экономическую мысль Запада*. Москва. С. 264–268.

Ol'sevich Iu.Ia. 2007. *Vliianie khoziaistvennykh reform v Rossii i KNR na ekonomicheskuiu mysl' Zapada*. [The influence of the economic reforms in Russia and China on the economic thought of the West]. Moscow. P. 264–268.

Полтерович В.М. 2005. К руководству для реформаторов: некоторые выводы из теории экономических реформ. *Экономическая наука современной России*. № 1(28). С. 7–24.

Polterovich V.M. 2005. K rukovodstvu dlia reformatorov: nekotorye vyvody iz teorii ekonomicheskikh reform. [To the leadership of the reformers: some conclusions from the theory of economic reforms]. *Ekonomicheskaiia nauka sovremennoi Rossii*. No 1(28). P. 7–24.

Полтерович В.М. 2006. Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории. *Экономика и математические методы*. Т. 42. Вып. 1.

Polterovich V.M. 2006. Strategii institutsional'nykh reform. Perspektivnye traektorii. [Strategies of institutional reform. Promising path]. *Ekonomika i matematicheskie metody*. Vol. 42. Issue 1.

Поппер К. 1992. *Открытое общество и его враги*. Москва.

Popper K. 1992. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi*. [The Open Society and Its Enemies]. Moscow.

Astrov V., Gligorov V., Hanzl-Weiss D., Holzner M., Landesmann M., Pindyuk O. et al. 2013. *WIIW. Current Analyses and Forecasts: Economic Prospects for Central, East and Southeast Europe*. No 11. March.

Huntington S. 1996. West is unique, and not so universal. *Foreign Affairs*. Apr. 8.

Podkaminer L. 2002. *WIIW. Research Reports*. No 285. July.

TRANSFORMATION AND ITS SOCIAL-ECONOMIC EFFECTS IN CENTRAL AND EASTERN EUROPE

Svetlana Glinkina, Nataliia Kulikova ¹

Authors affiliation: ¹ Institute of Europe Russian Academy of Sciences (Moscow).

Corresponding author: Svetlana Glinkina (sveglinkina@yandex.ru).

ABSTRACT. Late 20th century was marked by large-scale social transformations that took place simultaneously at the global, regional and national levels. A special place among them belongs to post-socialist transformations whose analysis is found in numerous publications both in the country and beyond. However, understanding this phenomenon even twenty odd years after the «velvet revolutions» started in Central and Eastern Europe (CEE) does not look complete. In this context, the goal of this article is continuation of the in-depth analysis of transformation's results, further development of the methodology of transitional economic processes theory, including such important issues as the characteristic of transformation's starting point, driving forces (national and international) of the reforms under way, criteria of the transitional period completion, and many others.

KEYWORDS: transformation process, transformation model, specifics of transition from socialism to market economy in the CEE countries, criteria of assessing the transition's success.

JEL-code: P20, P27, P31, O52.

Материал поступил 18.04.2013 г.